

Немец

Рассказ

ОГРОМНАЯ ТЕНЬ автобуса стремительно текла по зелёной обочине, изгибаясь и вытягиваясь, повторяя причудливую форму канав, бугорков и кустарников. Когда же вдоль дороги возникала ровная изгородь стройных деревьев, Николаю казалось, что тень эта стрекочет по ней так же, как стрекотала когда-то школьная линейка, весело пробежавшая по металлическим прутьям лестничных перил. Он улыбнулся своим мыслям и посмотрел на жену. Света тихо спала, откинувшись на спинку сиденья. Он не стал её тревожить, понимая, как дорога в таких поездках каждая минута отдыха.

Николай осторожно открыл дорожную сумку и вынул оттуда немного помятые листы офисной бумаги. Отскеренные документы ушедшей эпохи: несколько писем, карта Новгородской области, список безвозвратных потерь, найденный в недрах самого подробного сайта. Третья снизу строка гласила: «Рядовой Прокофьев Михаил Иванович — 12.12.41»...

Об этой поездке Николай говорил давно, при этом она казалось ему чем-то несбыточным, по-

луреальным, чем-то таким, о чём говорят, что вот очень бы надо, да всё некогда, и потом — как это будет... Но со временем желание добраться до станции Малая Вишера становилось для Николая всё очевиднее, всё яснее рисовались детали предстоящей дороги, пока, наконец, сама эта мысль не захватила его полностью. Он часами просиживал в интернете, изучал маршрут, читал отзывы поисковых групп и архивные сводки сорок первого года. С трудом раздобыв списки погибших, Николай долго выяснял места захоронения. Ему повезло: на одном из сайтов значился точный адрес с приложением нескольких довольно отчётливых снимков. Внимание привлёк серебристый обелиск в виде скорбящей женщины, окружённый мемориальными плитами с именами павших. Николай помнил, как колотилось его сердце, когда он пытался максимально увеличить изображение, чтобы прочесть имена. Но неповоротливые пиксели громоздились друг на друга, всё больше и больше размывая картинку. В какой-то удачный момент ему показалось, что он действительно различил начальные буквы своей фамилии.

...Деда, 39-летнего колхозного ветеринара, призвали в армию в самом начале октября. К тому времени в его семье было пятеро детей: две девочки и три мальчика. Самому младше-

му из них едва исполнился месяц. Жена, Мария Сергеевна... про таких потом говорили: «Вынесли на своих плечах» и вручали медаль «За доблестный труд». Спустя годы, она иногда рассказывала, больше к случаю (а маленький Коля ловил вполуха), как была по ночам от недоброго предчувствия, как у неё сразу же пропало молоко, и маленький Серёжка постоянно плакал, как спасалась в работе и за домашними делами, а ночью выходила за околицу и подолгу глядела на дорогу. Рассказы эти, редкие и скудные, но такие пронзительные, были настолько понятны, что горестное бабушкино «э-эх» не нуждалось в пояснениях. Слушая разговоры взрослых, Коля затихал в своих играх и начинал вглядываться в лица оловянных солдатиков, представляя себе, кто из них больше похож на деда, которого он видел на единственной сохранившейся фотографии. После этого, «сражаясь» с превосходящими силами фашистов, Коля внимательно следил за тем, чтобы именно этот солдатик уцелел в бою. Он мог получить ранение, лёгкое или тяжёлое, но обязательно оставался в живых.

Автобус тряхнуло на колдобине. Разноцветные макушки сидящих впереди пассажиров синхронно качнулись из стороны в сторону. Николай перевёл взгляд на документы, лежавшие на его коленях.

«Здравствуйтесь, мои родные. Кланяется вам родитель. Посылаю вам всем по низкому поклону и желаю вам благополучия вашей жизни... Сообщаю вам о том, что нас погнали сами знаете куда... обо мне больно не тужите, видно моя судьба такая... пишу со станции... пока жив и здоров...» Едва различимые строчки старого письма даже на белом листе бумаги просматривались с трудом. Но Николай помнил их наизусть и потому читал без запинки. Дата: «29 октября». Именно в эти дни шло усиленное переформирование вышедшей из окружения сто одиннадцатой стрелковой дивизии, назначенной командованием фронта для нанесения удара по врагу, который сосредоточился в районе Малой Вишеры. Новые ожесточённые бои начались здесь 12 ноября. Сегодня Николаю было ясно, что именно в этих боях, ознаменовавших начало Тихвинской наступательной операции, принимал участие красноармеец Прокофьев М. И.

За октябрь, пока шло переформирование дивизии, пришло четыре письма, последнее пятое было датировано третьим ноября. «Маша, много бы надо поговорить о домашних делах, но те-

перь уже далеко друг от друга. Как приедем на место, я вам сообщу адрес. До свидания». После этого повисло молчание — злое, выматывающее, невыносимое. Хуже всего, когда нет никаких известий, пусть хоть малая, хоть какая-нибудь, но весточка.

Извещение пришло в середине декабря: «Ваш муж... героически погиб в бою с фашистскими захватчиками...». Не веря ни небесной, ни военной канцелярии, бабушка, хорошо подсаказали умные люди, отважилась послать запрос. Ответ пришёл на удивление быстро. Под письмом стояла подпись «военком мсб военный комиссар Мухин». Николай положил поверх других листов этот, с самым чётким подчерком. «По Вашей просьбе о смерти мужа... был ранен в голову... вследствие тяжёлого ранения умер через день после поступления в медсанчасть. Похоронен с соблюдением воинских почестей».

Всё кончилось. Окутавшая пустота мешала думать, ходить, не давала жить. Но на руках оставались дети — мал-мала-меньше, поэтому «что за людьми, то и за нами». Дальше сложилось не лучше. Из пятерых детей выжили только двое — девочки. Ребята ушли вслед за отцом, все в раннем возрасте. Когда трагически погиб (сгорел в перевернувшемся грузовике) последний, тот самый Серёжка, бабушка решила на переезд в город: слишком тяжёлыми стали для неё родные деревенские стены.

В шестьдесят седьмом у одной из дочерей, Клавдии, родился сын Коля. Сколько было радости и счастья! Мальчик! Помощь и отрада! Место ушедших занял живой — розовый бутуз, с пухлыми щёчками и «перевивками», так бабушка называла складочки, на ручках. Он овладел их вниманием настолько, что другая, старшая дочь Александра так и не вышла замуж, посвятив всю себя племяннику. Любви и ласки мальчишке хватало за глаза. А вот с отцом не повезло. Может быть, поэтому в детстве Коля так часто спрашивал про деда: «Ба, а правда, если бы он не погиб, то наши потери в войне были бы 19 999 999 человек?». Бабушка ничего не отвчала и только качала в ответ головой. «А он бы меня любил?» «Ещё как!..»

Они ушли одна за другой в течение шести лет, как и положено — по старшинству. Вот когда наступило поистине гробовое молчание, вакуум. Николай заполнял его по-разному. Всё чаще одинокими хмельными ночами вспоминал он своё, как оказывается, очень счастливое детство. И только толстая плотная подушка загну-

шала его рыдания, рвущиеся из самой глубины неприкаянной души.

Николай прислонился лбом к оконному стеклу. Приятная прохлада ненадолго остудила мысли. Автобус, слегка кивая, мерно катился вдоль густых лесопосадок, изредка сменявшихся рядами одинаковых деревянных домиков. На сердце неожиданно стало тоскливо. Вот он, среднестатистический житель России, отпрыск типичных представителей колхозного крестьянства и рабочего класса, первый в своём роду, кто появился на свет в городе, а не в деревне и, более того — со временем переехавший жить в столицу, имеющий высшее образование, любимую жену, дачу и личный автомобиль, едет на могилу своего деда — геройски, именно геройски, Николай нисколько в этом не сомневался, погибшего во время Отечественной войны. А ведь если бы не она, эта проклятая человеческая мясорубка, развязанная безумными страстями двуногой твари, возомнившей себя великим вождём великой нации, жил бы он, Николай, сейчас с дедом, дядьями и двоюродными братьями и сёстрами. Страшно подумать: от пятерых детей — только один внук! Это же самое настоящее вырождение! Николая вдруг охватило такое негодование, что кровь ударила в голову, и рубашка моментально пропиталась потом. Когда же мы приедем?!

Николай готов был поручиться, что найдёт это кладбище, эту братскую могилу и без посторонней помощи, может быть, даже с закрытыми глазами. Он буквально выучил карту: вот вокзал, от него с учётом масштаба метров двести до улицы Гоголя, а там уже наверняка.

На подходе к месту сердце колотилось так бешено, как не колотилось даже во время самых серьёзных испытаний. Ворота, обелиск, чуть правее — восемь подёрнутых временем мемориальных плит с именами погибших. На их поверхности чётко (в отличие от компьютерного изображения) выделяются выбитые буквы. «К», «Л», «М», «Н»... Вот он — «ряд. Прокофьев М. И.»! Ну, здравствуй, дед. На трепещущую от волнения душу вылили целый ушат ледяной воды, тепло ударило в озноб, глаза затянула жидкая пелена.

Только сейчас Николай заметил возле одной из плит сгорбленную фигурку. Старушка в потёртой плюшевой безрукавке, надетой поверх выцветшего платья, неспешно обметала гранит кургузым голичком. Очистив поверхность от

мусора, старушка наклонилась и подняла с земли аккуратно отложенный букетик цветов. Цветы! Николай с досадой посмотрел на Свету. В спешке они забыли про цветы.

— Простите, где здесь можно купить... — Николай осёкся на полуслове.

Обернувшись на голос старушка посмотрела на него светло-голубыми добрыми глазами. Она прикрылась от солнца морщинистой рукой, поправила на голове платок и улыбнулась. Николай оторопел: так улыбалась когда-то его бабушка. Это сходство поразило его. Он хотел повторить вопрос, но от волнения голос сделался сиплым и непослушным. Тем временем старушка, с вниманием хозяйки изучившая своих неожиданных гостей, тихо, но ясно проговорила:

— Почитай уж сорок годов здесь-то. Я их родимых всех по именам помню. Никого не пропущу, у всех приберу.

Глядя ладонью плиту, она говорила ещё что-то, но уже совсем невнятно. Потом и вовсе засобиралась уходить. Взяла голичок, детское помятое ведёрко с тряпкой и медленно направилась к выходу.

В последние годы Николай стал особенно сентиментальным. Слёзы, нередко вопреки его желанию, всё чаще наворачивались на глаза. Больше всего волновала военная хроника, идущая по телевизору: невозможно без внутреннего содрогания, без щемящего волнения смотреть, как молодые, полные жизни люди исчезают в клубящемся вихре великого горя, как спотыкаются в свинцовой горячке, уходя в небытие, в историю. Но сегодня эти слёзы были праведными: он выполнил то, что так и не успели выполнить его родные. От их имени он, внук и сын, стоит сейчас на этом месте. Николай достал из сумки баночку с землёй, взятой много лет назад в бабушкином огороде (родная!), и высыпал её под плиту.

Они расположились на лавочке вблизи братской могилы. Света ловко и без суеты разложила приготовленную заранее закуску, передала мужу бутылку:

— Открывай.

Тонкая трепещущая струйка ударилась в дно пластмассового стаканчика, сначала одного, потом — другого. Николай уже не скрывал своих слёз. Повернувшись к обелиску, он с дрожью в голосе произнёс:

— За вас, мужики.

В город возвращались ближе к вечеру. Шли молча, всё было выговорено. Николай мрачно

смотрел под ноги, изредка поправляя ремень заметно полегчавшей сумки. Света, раскрасневшаяся от выпитого, а больше от высказанного (говорили много, перебрали всё и всех), тихо шла рядом. Было заметно, что она устала.

Неожиданно Николаю нестерпимо захотелось выпить пива. Он ясно почувствовал, что должен как можно скорее отхлебнуть знакомую обжигающую прохладу.

Им приглянулось одно уличное кафе: несколько опрятных столиков прятались под сенью огромных деревьев. Николай усмехнулся, представив деревья в виде родителей, заботливо склонившихся над маленькими детьми, одетыми в одинаковые беленькие рубашки. Несмотря на заветное время, кафе было пустым, только за одним столиком сидела молодая парочка: парень что-то без умолку говорил, жестикуюлируя дымящейся сигаретой, девушка влюблённо смотрела на него. Вскоре они ушли.

Подошедшая официантка любезно протянула Николаю потёртую, похожую на старинную книгу, папку-меню. Он раскрыл её на первой странице, быстро пробежал глазами и передал жене:

— Всё равно ничего не пойму. Выбирай сама, главное — не забудь пиво.

Он отвернулся и сделал вид, что рассматривает стоящий неподалёку памятник архитектуры. Ничего особенного, дом как дом, таких в его родном Владимире — целые улицы. И все они, так же как и этот, охраняются государством. Да полно! Когда приспичит, никого не докричишься, а вот на распродажу сбегутся сразу. По-настоящему сохранили всё это богатство те, кто полёг в здешних краях в сорок первом. Вот когда действительно понадобилась настоящая защита. И снова тоскливое чувство несправедливости и отчаяния пронзило душу. Вспомнились цветы на дедовой плите. Хорошо, что хоть кто-то помнит, хоть кто-то навещает.

Пиво оказалось вкусным, но вместо ожидаемой лёгкости и веселья добавило угрюмой задумчивости. Николай молча крутил на столе гранёную стеклянную кружку (прямо как в детстве, сохранились же!) и отвлечённо смотрел вдаль. В такие минуты он дико ненавидел себя, ему было жалко Свету, которой хотелось поговорить, но он ничего не мог с собой поделать.

Из оцепенения его вывел громкий смех, раздавшийся совсем рядом. От неожиданности Николай даже вздрогнул. К кафе приближалась немного странная группа пожилых людей. Хо-

тя, почему же «странная»? За годы, прожитые во Владимире, одном из городов Золотого Кольца России, Николай видел подобные делегации много раз. Но никогда раньше они не вызывали в нём такой неприязни, как сегодня. Возможно, потому что появились эти люди в недобрый час, но вернее всего — потому, что разговаривали на чистом немецком языке. Три совершенно сухие старушонки в широких, не по возрасту ярких платяцах и сандалиях на босу ногу окружали высокого, нет, скорее — длинного тощего старика, важно, по-птичьи, шагающего в направлении столиков.левой рукой немец держал под руку одну из старушек, а правой прижимал к груди фотоаппарат с огромным объективом. Николаю на миг показалось, что это не фотоаппарат, а изготовленный к бою «шмайссер». Да и довольная физиономия немца напомнила кадры военной хроники начала войны. Настроение было испорчено окончательно.

Немцы расположились через столик от Николая, заказали закуску, небрежно ткнув пальцем в ту самую книгу, которую совсем недавно держала в руках Света, и стали весело болтать. Старик взялся показывать спутникам отснятые кадры, старушки весело их комментировали. Было заметно, как нравятся фотографу комплименты: он довольно скалился, поглаживая стриженую редкую шевелюру, заодно озирался и лукаво подмигивал девушке-официантке, стоявшей за стойкой. В конце концов, он направил на неё дуло-объектив и весело крикнул: «Фройлен, зер гут!». Девушка засмушалась и стала поправлять причёску. Раздался щелчок аппарата, и все засмеялись.

— Ненавижу, — прошипел Николай. В этот момент хмель ещё сильнее ударил ему в голову, он начал привставать из-за столика, и только строгий взгляд жены предотвратил надвигающийся скандал.

— Не заводись, люди отдыхают.

Он медленно опустился на стул. Волна негодования и горького чувства обиды бурлила у самого горла. Дед, которого Николай уже давно пережил по возрасту, был вынужден бросить хозяйство, жену, детей, уйти на фронт и там сложить голову, в то время, как этот тип, тоже, судя по всему, воевавший, сегодня смеётся и гуляет на нашей земле, как у себя дома! Кто знает, может быть, именно этот немец в том самом декабре рвался на наши позиции здесь под Новгородом, может быть именно от его руки...

Света, видя, как помрачнел и надулся муж, испугалась не на шутку. Она поспешно затушила сигарету и потянула его к выходу:

— Пойдём отсюда.

Нехотя поднявшись, Николай побрёл за женой. Удаляясь, он ещё раз обернулся и посмотрел на туристов. Старушки, сосредоточившись на содержимом тарелок, продолжали негромко переговариваться; старик, неожиданно сделавшийся молчаливым, провожал Николая пристальным взглядом. На мгновение их глаза встретились. Николаю показалось, что немец угадал его настроение и даже понял его мысли. Старик словно преобразился: его ребяческое поведение, предназначенное спутницам, сменилось глухой озабоченностью. Он как будто поменял маску, словно вспомнил нечто такое, что единственно из всех присутствующих знал достоверно.

Света принялась что-то рассказывать. Николай, ещё не отошедший от своих мыслей, почти не слушал её. Держась за руки, они медленно шли по парку, казавшемуся в сером бархате ранних сумерек величественным и бесконечным. Она остановилась вытряхнуть из обуви камушек. Он поддержал её под локоть и невольно оглянулся на кафе. Его неясные очертания были встревожены непонятной суетой. Прислушавшись, Николай различил странный шум и беспокойные голоса.

— А ведь там что-то случилось.

Света попыталась его удержать, но Николай уже спешил туда, откуда, заглушая вездесущую музыку, доносились взволнованные женские крики.

Он появился у столиков как раз в тот момент, когда старушки пытались помочь своему спутнику, неуклюже распластавшемуся на земле. Опрокинутый пластмассовый стул валялся рядом, задрав кверху свои тонкие беспомощные ножки. Немец не подавал признаков жизни, раскинув длинные руки в узком пространстве между столиков. Одна из спутниц, стоя на коленях, с заметным усилием пыталась приподнять безвольно качающуюся голову старика. Другая, опершись о стул, стуча зубами о край стакана, старалась набрать в рот воды, чтобы оросить бледное лицо лежащего. Но худые руки тряслись, и случайно облитые розовые цветы её платья проступали на плоской груди пунцовыми пятнами. Третья неуклюже согнулась у изголовья и, громко скуля, обмахивала упавшего крошечным носовым платком. Тут же суетились официантка и прибежавший на шум по-

вар. Посетителей в кафе по-прежнему не было, поэтому на помощь рассчитывать не приходилось.

Николай подскочил к неподвижному немцу и сжал его запястье... Пульс едва прощупывался. Тяжёлое дыхание, посиневшие губы, влажный лоб говорили о том, что дело серьёзно.

— «Скорую» вызвали? — Николай решил взять инициативу на себя. Официантка покачала головой — нет. — Звоните скорее: сердечный приступ, может быть даже инфаркт.

Николай растолкал опеших немцев и начал действовать. Откуда всплыло в памяти, что за чем, он сказать не мог. Видно, знания, фиксировавшиеся множеством практик и дежурных зачётов, собрались, наконец-то, вместе, чтобы быть действительно полезными. Он вспомнил, что при сердечном приступе необходимо поднять голову больного, расстегнуть ворот его рубашки и дать нужное лекарство.

— Нитроглицерин! — обратился Николай к официантке, но та не двинулась с места.

— У нас нет, — виновато произнесла она и посмотрела на лежащего с бездонным сочувствием.

— «Скорую», тогда быстро «скорую»! — уже кричал Николай, понимая, как важно не упустить драгоценное время.

— У нас нет городского телефона.

— Возьмите мой, только звоните через код!

Подбежала встревоженная Света. В её сумочке нашлась таблетка валидола, которую с трудом удалось запихнуть старику в рот.

Николай дёрнул ворот пёстрой немецкой рубашки, кажется, даже отлетела пуговица, снял через голову лежащего тяжёлый фотоаппарат, отложил в сторону и, поддерживая немца под спину, привалил его голову к принесённому из подсобки пуфику. Тем временем испуганная официантка набрала наконец-то номер и дрожащим голосом стала подробно рассказывать о случившемся «Скорой помощи».

Постепенно старик пришёл в себя: он открыл глаза, долго и мутно соображал, наконец, поняв, что произошло, постарался улыбнуться. Старушки радостно защелбетали. Николай ободряюще произнёс:

— Ничего, обойдётся.

Немец виновато смотрел Николаю в лицо. Он словно извинялся за беспокойство, причинённое посторонним людям. Николай же увидел в глазах поверженного иное — мольбу о прощении за зло, содеянное в далёкие, теперь уже едва различимые годы. Возможно, думалось

Николаю, этот беспомощный, но всё ещё цепляющийся за жизнь человек тяготился чем-то таким, что требует немедленного прощения. И без этого прощения его душе не обрести тот самый покой, о котором знают все. Ведь груз грехов становится особенно тяжким в момент вполне ощутимого пересечения двух миров — земного и вечного.

— Всё будет хорошо.

«Скорая» приехала быстро. Беспомощное длинное тело немца погрузили на носилки и втиснули в узкий салон реанимобиля. Расте-

рянные старушки долго переговаривались между собой, обращались то к Николаю, то к врачу, усатому серьёзному дядьке, пока тот, немного поразмыслив, не разрешил им ехать вместе с больным.

Николай долго смотрел вслед «Скорой». Потом, не торопясь, отряхивал испачканные брюки. Света нервно курила, гордо поглядывая на мужа.

— Ваш телефон, — робко проговорила официантка, протягивая Николаю скользкую трубку, — хотите пива?